

Размышление над книгой *Essay Review*

DOI: 10.31857/S020596060013016-9

ПОЧЕМУ ИЗУЧЕНИЕ «ЛЖЕНАУКИ» МОЖЕТ БЫТЬ ВАЖНО ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ НАУКИ? ФЕНОМЕН ЛЫСЕНКО КАК АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

РОССИЯНОВ Кирилл Олегович — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
E-mail: rossiianov@yandex.ru

В состав двухтомной коллективной монографии «Дискуссии о Лысенко как всемирный феномен. Генетика и сельское хозяйство в Советском Союзе и за его пределами»¹ вошли работы российских и зарубежных историков, посвященные судьбе идей Т. Д. Лысенко в СССР, странах Запада, Восточной Европе и Японии. Возможно, главная новизна книги, не нашедшая до сих пор отклика в опубликованных рецензиях², заключается в том, что основное внимание в ней уделяется проблеме восприятия теорий Лысенко научным сообществом. Для большинства историков, исследовавших деятельность Лысенко и судьбу его детища — так называемой мичуринской биологии, тема эта была второстепенной, если не сказать маргинальной, а главная проблема виделась в установлении причин, побудивших правительство наложить запрет на генетику, закрыв генетические лаборатории и уволив за «антимичуринские» взгляды сотни преподавателей и научных сотрудников. Антигенетическая кампания, развернувшаяся после печально известной августовской (1948) сессии ВАСХНИЛ, была не только жестокой по отношению к ученым, но и бессмысленной, вредной с точки зрения интересов страны и государства. Пожалуй, неудивительно, что внимание историков сосредоточилось на анализе

¹ The Lysenko Controversy as a Global Phenomenon: Genetics and Agriculture in the Soviet Union and Beyond / W. de Jong-Lambert, N. L. Kremontsov (eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2017. Vol. 1–2. Вошедшие в состав монографии работы были первоначально представлены на состоявшемся в июне 2012 г. в Вене международном симпозиуме по истории лысенкоизма.

² См., в частности: *Колчинский Э. И.* Пятьдесят лет спустя: размышления над книгами, изданными к 130-летию юбилею со дня рождения Н. И. Вавилова и накануне 70-летия со дня августовской сессии ВАСХНИЛ // ВИАТ. 2018. Т. 39. № 3. С. 559–591.

посторонних по отношению к безжалостно уничтожавшейся науке, не до конца понятных мотивах коммунистического руководства.

Уже один из первых обратившихся к этой теме авторов К. Зиркл подчеркивал важность проповедававшихся Лысенко представлений с точки зрения коммунистической идеологии, заставившей советских коммунистов пойти на уничтожение генетики в СССР³. Однако попытки хоть как-то конкретизировать содержание идеологии, которая объясняла бы действия правительства, оказались впечатляюще безуспешными, оборачиваясь всякий раз чем-то вроде улыбки Чеширского Кота. Причины поддержки Лысенко руководством страны не имели ничего общего ни с философией диалектического материализма, ни с проектом создания «нового советского человека», якобы выдвигавшим на первый план принцип наследования приобретенных признаков, ни, наконец, с представлением о классовой природе науки — «буржуазной» генетике и «социалистической» «мичуринской биологии»⁴. В качестве другого внешнего, постороннего по отношению к науке мотива называли «практику» — так, в фундаментальном, не потерявшем до сих пор актуальности труде Д. Журавский⁵ связал победу лысенковской лженауки с разочарованием правительства в деятельности ВАСХНИЛ, готовностью возложить на ученых вину за разрушительные последствия коллективизации сельского хозяйства. Однако не вполне ясным остается вопрос о том, почему дискуссия 1948 г. касалась не столько вещей практических, сколько общих, теоретических проблем биологии. Наконец, согласно Н. Л. Кременцову, в триумфе Лысенко решающая роль принадлежала международной политике — если бы не начавшаяся холодная война, усилившая симпатии сталинского руководства к «мичуринской биологии» как уникально советской науке, генетики «почти наверняка» одолели бы в послевоенных дискуссиях лысенковцев⁶. Но утверждение это остается предположением, не опирающимся на доказательства и при этом противоречащим действиям правительства в ряде других областей науки⁷.

Изучение восприятия «мичуринской биологии» представлялось малоинтересным, поскольку содержание ее признавалось заведомо ложным, что, собственно, и направляло поиски в сторону важных для

³ Zirkle, C. *Evolution, Marxian Biology, and the Social Scene*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1959.

⁴ Об «учении» Лысенко и философии диалектического материализма см.: *Graham, L. R. Science and Philosophy in the Soviet Union*, New York: Vintage Books, 1974; о мнимой связи ламаркизма и идеи «нового советского человека» см.: *Joravsky, D. The Lysenko Affair*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970. P. 253–270; о негативном отношении Сталина к тезису о классовом характере науки см.: *Rossianov, K. O. Editing Nature: Joseph Stalin and the “New” Soviet Biology // Isis*. 1993. Vol. 84. No. 4. P. 728–745.

⁵ *Joravsky, D. The Lysenko Affair...*

⁶ *Kremensov, N. L. Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 289–290.

⁷ *Joravsky, D. Struggles to Beat the System // Nature*. 1997. Vol. 385. P. 784.

сталинского руководства вненаучных мотивов и целей, заставивших пожертвовать научной истиной. Между тем, согласно архивным документам, И. В. Сталин в процессе подготовки сессии ВАСХНИЛ не раз высказывал убеждение в правильности идеи наследования приобретенных признаков, одновременно отвергая идеологические доводы, которые приводились Лысенко в обоснование своих научных позиций⁸. Тем самым не следует игнорировать как раз научные мотивы, присутствовавшие у главного организатора сессии, для которого правильность идей Лысенко была залогом практических успехов. И дело здесь, по-видимому, в том, что усвоив мысль о важности фундаментальных исследований в эпоху соперничества сверхдержав, руководство страны придавало большое значение научным дискуссиям, сознавая их важность для успешного развития науки в СССР⁹. При этом, однако, логика Сталина следовала привычным образцам дискуссий политических, в которых искусственное обострение, форсирование разногласий вело к окончательному решению спорных вопросов и выявлению единой, общеобязательной истины, причем партийное руководство оказывалось в роли арбитра, не желая и опасаясь неконтролируемого продолжения дискуссий. В то же время вера Сталина, дилетанта и самоучки, в правильность положений «мичуринской биологии» не отменяет вопроса о восприятии и оценке ее научного содержания учеными.

Феномен Лысенко, по-новому увиденный авторами книги, бросает вызов нашему пониманию науки, заставляя задуматься над парадоксальным вопросом о возможности нравственной оценки научных теорий, — вмешательство тиранического правительства делает различие между истинным и ложным знанием заложником различий моральных. Вопрос о наследовании или ненаследовании приобретенных признаков превращается после августовской сессии ВАСХНИЛ в дилемму нравственного выбора, согласие же с ламаркистскими идеями — в свидетельство политической ангажированности, либо внутренней слабости, если не прямой нечестности ученого. В результате представление об учении Лысенко как нравственно пагубном оказывается глубоко двусмысленным: с одной стороны, аморальность учения предполагает его ложность, с другой, — административное подавление оппонентов дискредитируют саму идею свободного обсуждения насаждаемых теорий, в результате которого они только и могут быть признаны истинными, либо ложными. Примечательно, что дилемма эта отсутствует в первом томе книги, посвященном анализу деятельности Лысенко в конце 1920-х — 1930-е гг., когда критика Лысенко

⁸ *Pollock, E.* Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006. P. 48, 52; *Rossiianov.* Editing Nature...

⁹ *Kojevnikov, A.* Stalin's Great Science: The Times and Adventures of Soviet Physicists. London: Imperial College Press, 2004. P. 186–216; *Кожевников А. Б.* Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // ВИЕТ. 1997. № 4. С. 26–58.

допускалась, притом что советское правительство всячески поощряло его практические начинания. Ситуация меняется после разгрома генетики на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., реакции на которую мирового научного сообщества посвящен второй том, оставляя, очевидно, на будущее изучение истинной, вынужденно непубличной реакции советских ученых. Уничтожение советским государством генетики сделало по сути неприемлемыми ламаркистские и неоламаркистские представления на Западе, затрудняя при этом работу ученых, чьи исследования не укладывались полностью в русло классической генетики и могли быть истолкованы как свидетельство правильности ламаркизма, в особенности не искушенной в тонкостях широкой публикой.

Статьи, вошедшие в первый том книги и посвященные сельскохозяйственным инновациям Лысенко, позволяют лучше понять, почему практическая отдача не может служить объективным, понятным для неспециалиста мерилем истинности научного знания – сами критерии практической пользы зачастую неочевидны, требуя для своего обоснования участия ученых-экспертов. Как явствует из открывающей том статьи О. Ю. Елиной¹⁰, практические начинания Лысенко, «успех» которых свидетельствовал, по его мнению, о правильности «мичуринской биологии», делая излишним критическое обсуждение ее представлений, как раз не подвергались научной экспертизе. Деятельность Лысенко Елина сопоставляет с деятельностью других изобретателей «сельскохозяйственных панацей» – термин используется автором для обозначения чудо-рецептов, которые, по мнению их создателей, могут кардинально изменить, революционизировать земледелие. Лысенко, ранние работы которого признаются значительными физиологами растений¹¹, приобрел в дальнейшем широкую известность благодаря агротехническому приему яровизации – замачиванию и выдерживанию на холоде семян злаковых культур – позволявшему, по его утверждению, добиться существенного увеличения урожаев. Триумфальное распространение яровизации в СССР Елина сравнивает с судьбой более раннего рецепта повышения урожайности зерновых культур – так называемого грядкового посева хлебов, предложенного в начале XX в. отцом и сыном Н. А. и Б. Н. Демчинскими. Сходство Демчинских с Лысенко заключается в их энтузиазме: выращивание зерновых на грядках и тщательный уход за посевами обещали, по их словам, «колоссально» увеличить урожаи. Примечателен и интерес к работам Н. А. Демчинского Николая II, что прямо отсылает к событиям советского времени – поддержке И. В. Сталиным опытов Лысенко по культивации так называемой ветвистой пшеницы в 1946–1947 гг.¹²

¹⁰ *Elina, O.* Lysenko's Redecessors: The Demchinskys and the Bed Cultivation of Cereal Crops // *The Lysenko Controversy...* Vol. 1. P. 37–66.

¹¹ См.: *Roll-Hansen, N.* The Lysenko Effect. The Politics of Science. Amherst, NY: Humanity Books, 2005. P. 60.

¹² См.: *Сойфер В. Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Тетрафлай: Эрмитаж, 1990. С. 394–400.

Однако главным фактором, определившим судьбу грядкового посева хлебов, стал негативный вердикт экспертов, опиравшихся на результаты испытаний, которые в соответствии с решением Министерства земледелия были проведены на десятках опытных станций. Прибавка урожая не окупала дополнительных чрезмерных затрат труда; в результате метод Демчинских так и не стал применяться в сколько-нибудь широких масштабах в российском сельском хозяйстве.

Причина, по которой судьба яровизации оказалась иной, заключается в том, что влияние этого агроприема на урожайность никогда не подвергалось систематической проверке на сельскохозяйственных опытных станциях¹³. Цитируя опубликованные отчеты Лысенко и его сотрудников, свидетельствовавшие об осязаемой прибавке урожая в ходе так называемых массовых опытов в колхозах и совхозах, Елина подвергает сомнению распространенное мнение о том, что результаты были достигнуты за счет манипуляций и обмана, которые в этом случае должны были принять уж вовсе гомерические масштабы. В то же время, обращаясь к мнению экспертов — современников Лысенко, можно убедиться в том, что недостоверными опыты делали не столько манипуляции с данными, сколько в корне неправильная методика. Так, выступая на сессии ВАСХНИЛ, состоявшейся в декабре 1936 г., когда яровизация уже всюду применялась в советском сельском хозяйстве, известные селекционеры П. И. Лисицын и П. Н. Константинов говорили о том, что данные Лысенко не учитывают негативные исходы испытаний — яровизация может давать не только прибавку, но и убыль урожая, в зависимости от конкретных почвенно-климатических условий¹⁴. В июле 1948 г. Константинов прямо напишет Сталину о том, что Лысенко «не знает методику с[ельско]х[озяйственного] опытного дела»¹⁵. Виднейшей представительницей отечественной агрономической науки Д. Н. Прянишников отмечал в 1943 г., что массовые опыты Лысенко не сопровождаются контрольными экспериментами, а выбранная форма отчетности (с помощью анкет) не гарантирует учета отрицательных, а не одних только положительных результатов. Характерно и то, что Лысенко не только не дифференцировал эффект выдерживания семян на холоде, что составляло суть метода, от эффекта их намачивания, но даже не ставил перед собой такой задачи. Наконец, у работников колхозов отсутствовал этос исследователя, воспитываемый годами подготовки; по словам Прянишникова, когда испытания нового агротехнического приема, сорта растений или удобрения проводятся крестьянами, а не специалистами, то они «обычно

¹³ *Elina*. Lysenko's Predecessors... P. 56.

¹⁴ Спорные вопросы генетики и селекции работы IV сессии академии 19–27 декабря 1936 года / Отв. ред. О. М. Таргульян. М.: Изд-во ВАСХНИЛ, 1937. С. 160–163, 187–205. См. также: *Roll-Hansen*. The Lysenko Effect... P. 128.

¹⁵ *Есаков В., Иванова С., Левина Е.* Из истории борьбы с лысенковщиной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 116.

показывают все, чего желает заказчик опыта (и это даже без фальсификации, просто вследствие непонимания, как ставится настоящий опыт)»¹⁶.

Не ограничиваясь констатацией того, что репутация яровизации как средства увеличения урожаев была ложной, статья Л. Йооса¹⁷ побуждает читателя задуматься о причинах устранения экспертов от ее оценки. «Успех» Лысенко, работавшего с 1929 г. в Одессе, был бы невозможен без поддержки Наркомата земледелия Украинской ССР и наркома А. Г. Шлихтера, решивших провести проверку яровизации непосредственно в колхозах и создавших тем самым прецедент для всех последующих инноваций Лысенко, эффективность которых проверяли именно в массовых опытах, не следуя принятым на опытных станциях процедурам. Хотя, по утверждению П. И. Лисицына и выдающегося агронома и почвоведом Н. М. Тулайкова, яровизация едва ли могла принести пользу при массовом применении в сельском хозяйстве¹⁸, наркомат публично отверг их мнение, никак это не аргументировав¹⁹. Как указывает Йоос, экспертам трудно было отстаивать свое мнение в обстановке гонений на научную и техническую интеллигенцию, начавшихся вслед за Шахтинским делом 1928 г., когда хаос развернувшейся коллективизации создал одновременно огромные возможности для «революционных», утопических начинаний чиновников и партийных активистов. Однако после 1931 г. направленная против специалистов антитехнократическая кампания постепенно сворачивается, критики же Лысенко – Лисицын, Константинов и Прянишников – становятся академиками ВАСХНИЛ (Прянишников был с 1929 г. также действительным членом АН СССР). Но несмотря на это, критическая оценка Лысенко со стороны ведущих представителей сельскохозяйственной науки²⁰ не оказала заметного влияния не только на поддерживавших Лысенко чиновников Наркомата земледелия и сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б), но и, по-видимому, на большинство агрономов и селекционеров.

Статья М. Таугера, посвященная трудам известного советского селекционера П. П. Лукьяненко (1901–1973), позволяет лучше понять причины, побуждавшие селекционеров и представителей агрономической

¹⁶ Россиянов К. О. Дмитрий Николаевич Прянишников и «мичуринская агробиология» (по архивным материалам) // *Агрохимия*. 2019. № 2. С. 89–94.

¹⁷ Joos, L. State Officials and Would-Be Scientists: How the Ukrainian Ministry of Agriculture Discovered for Lysenko That He Had Made a Scientific Discovery // *The Lysenko Controversy...* P. 67–96.

¹⁸ Ibid. P. 78.

¹⁹ Ibid. P. 81.

²⁰ Сугубо положительная и даже восторженная оценка яровизации Н. И. Вавиловым объяснялась перспективами, которую этот усовершенствованный Лысенко метод открывал, по мнению Вавилова, перед селекцией, позволяя сдвигать период цветения и скрещивать растения разных климатических зон. См.: *Roll-Hansen. The Lysenko Effect...* P. 174; *Резник С.* Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: Захаров, 2017. С. 735–736.

науки воздерживаться от критики практических начинаний Лысенко, превратившегося уже в начале 1930-х гг. в заметную общественную фигуру. Лукьяненко, один из тех, кто, по словам автора, заложил основания «зеленой революции» в СССР, не высказывал в адрес Лысенко критических замечаний, не являясь, согласно Таугеру, и убежденным его сторонником – после сессии ВАСХНИЛ цитирование Лукьяненко трудов Лысенко носило «формальный» (*perfunctory*) характер ²¹. Возможно, в отличие от Прянишникова, Лисицына и Константинова, Лукьяненко чувствовал себя менее защищенным от возможных нападков, будучи заметно моложе и не занимая высокого положения до 1948 г., когда он станет действительным членом ВАСХНИЛ. В то же время очевидно и то, что сам Лысенко иначе относился к селекционерам и агрономам, чем к генетикам, что было важной частью его стратегии, помогая добиться молчания большинства специалистов – так, селекционерам прощается интерес к менделизму даже тогда, когда после сессии ВАСХНИЛ генетиков и специалистов в других областях биологии сотнями увольняют из университетов, учебных и исследовательских институтов. Примечательно, что Лукьяненко невозбранно использует в своей работе мировую коллекцию культурных растений, собранную арестованным и погибшим в 1943 г. Н. И. Вавиловым, а также книги и руководства по селекции, составленные Вавиловым и его сотрудниками. На сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ближайший помощник Лысенко И. И. Презент заявит, что «верит» в Константинова, селекционная работа которого не имеет ничего общего с менделизмом-морганизмом, но который не сумел пока «вооружиться ненавистью» к морганизму ²².

Статья П. Симпсон ²³ переносит читателя в область теоретического знания, привлекая внимание к возникшему после августовской сессии ВАСХНИЛ официальному, обязательному не только для ученых, но и граждан нарративу о наследственности и эволюции. Исследуя изменения, происшедшие в экспозиции Государственного Дарвиновского музея после запрета генетики, статья заставляет задуматься о природе изменений, заключавшихся не столько в том, что на смену научным взглядам пришли ненаучные, ламаркистские, сколько в отказе от многообразия мнений. По словам создателя и директора музея А. Ф. Котса, августовская сессия ВАСХНИЛ привела к необходимости «выкорчевать» из экспозиций музея все то, что могло бы свидетельствовать о симпатиях к «вейсманизму (морганизму-менделизму)» ²⁴. Подчине-

²¹ *Tauger, M. B. Pavel Panteleimonovich Luk'ianenko and the Origins of the Soviet Green Revolution // The Lysenko Controversy... Vol. 1. P. 117.*

²² О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 31 июля – 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ – Сельхозгиз, 1948. С. 505.

²³ *Simpson, P. Lysenko's "Michurinism" and Art at the Moscow Darwin Museum // The Lysenko Controversy... Vol. 1. P. 129–176.*

²⁴ *Ibid.* P. 137.

ние этим требованиям было, по-видимому, единственно возможным решением для стремившегося сохранить музей Котса. В то же время открытым для читателя остается вопрос о его истинных взглядах, скрывавшихся за публичными заявлениями. Как явствует из архивных документов ученого, в разделе музея, посвященном механизмам эволюции, ламаркистские и неоламаркистские концепции традиционно освещались наравне с собственно дарвинистскими, а также данными менделизма-морганизма²⁵. И это не выглядит чем-то исключительным — многие русские зоологи и ботаники, особенно старшего поколения, допускали, что в известных обстоятельствах приобретенные изменения могут наследоваться²⁶. Монополия мичуринского учения могла восприниматься не столько как торжество заведомо ненаучных взглядов, сколько как драматическое сужение возможного — сведение представлений о причинах наследственных изменений к ламаркистским и неоламаркистским трактовкам.

Это предположение, возникающее при чтении статьи Симпсон, обретает отчетливые очертания в качестве возможной оценки происхождения при знакомстве со вторым томом книги, посвященным восприятию «мичуринской биологии» за пределами СССР. По-видимому, главным последствием августовской сессии ВАСХНИЛ стало утвердившееся представление об абсолютной несовместимости генетики и ламаркизма — административный запрет генетики в СССР сделал любые формы ламаркизма, даже не связанные с Лысенко, синонимом лженауки. Согласно статье Ф. Кассаты²⁷, исследующего реакцию на события в советской биологии в послевоенной Италии, известные генетики Дж. Монталенти и А. Буццати-Траверсо сравнивали подавление генетики в СССР с преследованием инквизицией Г. Галилея и Дж. Бруно, а самого Лысенко именовали не иначе как шарлатаном и лжеученым. Важно при этом, что «лжеучеными» и «местными Лысенко» (оба наименования использовались в ходе вспыхивавших в Италии дискуссий) стали «прикладные генетики» — селекционеры и врачи, не чуждые ламаркистским взглядам и претендовавшие на то, что они, наряду с генетиками академическими, занимаются профессиональным изучением явлений наследственности. В итоге обсуждение событий в советской биологии привело к ужесточению границ фундаментальной, «серьезной» науки: врачи, селекционеры и евгеники с их вольной трактовкой законов наследственности перестали быть потенциально полезными для науки любителями, либо, на худой конец, безобидными чудаками, превратившись в «лжеученых». Любопытно также, что,

²⁵ См., в частности: Отчет Государственного Дарвиновского музея за 1925–1926 гг.; Тематический план работ музея на 1942 г. // Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов после 1917 г. Ф. 930. Оп. 2. Д. 8. Л. 3; Там же. Д. 59. Л. 19, 28.

²⁶ См.: *Roll-Hansen. The Lysenko Effect...* P. 46–48.

²⁷ *Cassata, F. Lysenko in Bellagio: The Lysenko Controversy and the Struggle for Authority Over Italian Genetics // The Lysenko Controversy... Vol. 2. P. 37–72.*

табуируя ламаркизм, генетики уподобляли итальянских ламаркистов не только советским мичуринцам, но и представителям фашистской евгеники — «латинской» ее версии, признававшей наследование приобретенных признаков и процветавшей при Б. Муссолини.

Согласно статье Л. Кампоса²⁸, вопрос о наследовании или ненаследовании приобретенных признаков, трансформировавшийся после сессии ВАСХНИЛ в дилемму выбора, наложил отпечаток на само содержание науки, препятствуя изучению явлений, которые могли быть использованы Лысенко и его сторонниками в попытках доказать прямое влияние среды на наследственность. Как отмечает Кампос, реакция западных, в первую очередь англо-американских ученых на события в Советском Союзе остается до сих пор неизученным фактором, определившим резкий спад интереса генетиков к так называемым хромосомным мутациям, затрагивающим структуру хромосом, а не отдельные гены. Согласно Кампосу, представление о том, что мутации бывают не только генными, но и хромосомными, могло создать у широкой публики представление о хромосомах как некоем альтернативном носителе наследственности, отличном от генов — основного объекта нападок Лысенко. А это было чревато трудно предсказуемыми последствиями для ученых, особенно в Америке, где критика Лысенко стало частью общенациональной антикоммунистической кампании. В целом представление о мичуринской биологии как лженауке усиливалось на Западе атмосферой холодной войны, противопоставлением лысенкоизма свободной науке демократических стран.

Уделяя основное внимание истории изучения хромосомных мутаций, Кампос приводит и ряд других примеров, свидетельствующих как о желании ученых дистанцироваться от идей, хоть в чем-то, даже малом, напоминающих взгляды Лысенко, так и о сложности подобного отмежевания. Через год после сессии ВАСХНИЛ, в июле 1949 г., английский молекулярный биолог У. Астбери писал цитогенетику С. Дарлингтону о том, что идея плазмагенов — неядерных генов — может произвести впечатление родства с «той поверхностной чепухой», которая исходит от Лысенко. Эволюционный генетик Дж. Б. С. Холдейн отмечал в 1956 г., что изучение важных генетических явлений, не связанных непосредственно с генами, становится небезопасным для репутации исследователя. В 1930-е гг. американский генетик Г. Дж. Мёллер возлагал большие надежды на то, что предложенный им метод искусственного получения мутаций откроет путь к «генетической инженерии», что, в частности, означало бы возможность радикального изменения существующих культурных растений и домашних животных. Однако в письме коллеге, написанном уже после сессии ВАСХНИЛ, Мёллер настаивает: представление о «генетической инженерии» должно быть оставлено и, в частности, не должно упоминаться генетиками в публичных выступлениях, поскольку может оказаться

²⁸ Campos, L. *Dialectics Denied: Muller, Lysenkoism, and the Fate of Chromosomal Mutations* // *Ibid.* P. 161–185.

на руку Лысенко и его сторонникам, делающим упор на возможность быстрого изменения наследственности в ответ на изменения окружающей среды. Сам термин «генетическая инженерия» вышел из употребления и начал снова использоваться учеными лишь в 1970-е гг.

Статья Х. Сайто ²⁹ позволяет поставить вопрос о влиянии «мичуринской биологии» на развитие подлинной, «нормальной» науки несколько в иной плоскости — согласно автору, обусловленные нравственным возмущением противопоставления препятствовали беспристрастной, объективной оценке идей Лысенко на Западе. Раздумывая над тем, почему восприятие «мичуринской биологии» в Японии было иным, чем в Западной Европе и Америке, Сайто обращает внимание на то, что западные генетики были не только хорошо информированы о сессии ВАСХНИЛ, но и знали о сталинских репрессиях против генетиков, в том числе благодаря личному знакомству с Вавиловым и другими советскими учеными. В то же время японские ученые, которые были изолированы от своих зарубежных коллег не только во время Второй мировой войны, но и в течение нескольких лет после нее, оценивали, по мнению Сайто, теории Лысенко с научных позиций, без «предвзятых идей» западных ученых, связанных с «личными и, значит, ненаучными причинами» ³⁰. Интерес в Японии вызывали представления Лысенко о роли факторов внешней среды в индивидуальном развитии растений, приобретавшие актуальность в свете новых проблем генетики — прежде всего экспрессии генов, зависящей от конкретных условий окружающей среды, причем некоторые японские ученые готовы были признать, что «роль гена была менее значимой, чем роль среды» ³¹. Однако противопоставляя объективность японских ученых и субъективные, личные мотивы ученых западных, Сайто заменяет простой констатацией важную для историка проблему, связанную с изучением того, как моральные оценки ученых влияют на их идеи, содержание науки.

К сожалению, вопрос о влиянии моральных оценок на отношение к научным идеям остается в тени распространенных представлений о «мичуринской биологии» как примере идеологизации научного знания. Увидеть по-новому проблему идеологизации помогает статья У. Дейонг-Ламберта ³², посвященная реакции Мёллера на кампанию против генетики, которую Лысенко инициировал в Советском Союзе еще во второй половине 1930-х гг. Как явствует из работы, идеологизация была средством полемики для обеих участвовавших в дискуссиях сторон — научные теории оппонента связывалась с идеологически неприемлемыми выводами, которые можно было из них сделать.

²⁹ *Saito, H.* Why Did Japanese Geneticists Take a Scientific Interest in Lysenko's Theories? // *Ibid.* P. 137–158.

³⁰ *Ibid.* P. 151, 153.

³¹ *Ibid.* P. 150.

³² *deJong-Lambert, W.* H. J. Muller and J. B. S. Haldane: Eugenics and Lysenkoism // *Ibid.* P. 103–136.

В то же время в официальном советском дискурсе о науке термин «идеология» наделялся и положительным смыслом, однако было бы поспешно и неоправданно делать из этого вывод о подчинении науки идеологии в ходе антигенетической кампании конца 1940-х гг. Подобное утверждение исходит из неочевидного, на наш взгляд, допущения: сталинское руководство признавало возможность противоречия между «правильной» идеологией и «правильной» наукой, что, собственно, и позволяет рассматривать идеологию как мотив его действий, оправдывающий подавление «хорошей» науки в угоду «худшей», если не откровенно «плохой». О том, что допущение это принимается как данность многими, если не большинством пишущих о Лысенко авторов, можно судить по статье Дж. Маркса³³, посвященной анализу современных западных дискуссий о таких общественно значимых научных проблемах, как антропогенное изменение климата и генетика человеческого поведения, в ходе которых лысенковская лженаука выступает в качестве жупела, очевидного примера «идеологической контаминации» науки³⁴. Справедливо указывая, что ни одна наука не может быть очищена от политических и культурных ценностей, автор принимает, по сути, на веру базовый стереотип: организовав августовскую сессию ВАСХНИЛ 1948 г., советское правительство руководствовалось венаучными, прежде всего идеологическими мотивами.

Действительные, раскрывающиеся в архивных документах обстоятельства подготовки августовской сессии ВАСХНИЛ позволяют лучше представить себе мотивы ее организатора Сталина, опровергая миф о том, что за решением о проведении сессии ВАСХНИЛ стояла готовность пожертвовать научным знанием в угоду идеологическим и политическим соображениям. Так, редактируя текст программного доклада Лысенко, с которым он должен был выступить на сессии, Сталин решительно отверг присутствовавшее в нем положение о классовом характере науки, заключавшее в себе возможность противоречия между идеологическими мотивами и соображениями научной правильности той или иной теории. Согласно Сталину, лишь в качестве издевательства можно было бы говорить о классовой природе математики или дарвинизма³⁵. Два года спустя он исключит из сферы идеологической надстройки человеческий язык, который служит, по его мнению, обществу в целом, а не отдельным классам, что можно рассматривать как своего рода развитие представлений о неклассовом характере естественных наук и математики, описывающих

³³ Marks, J. Lessons from Lysenko // Ibid. P. 185–206.

³⁴ Ibid. P. 190.

³⁵ Тезис о классовой природе математики пропагандировался в СССР в эпоху «культурной революции». См.: Кольман Э. Современный кризис математики и основные линии ее реконструкции // На борьбу за материалистическую диалектику в математике. М.; Л.: Гостехиздат, 1931. С. 203–215.

объективно существующие законы природы³⁶. Вписанные им в текст доклада Лысенко и характеризующие «мичуринскую биологию» термины «прогрессивная» и «материалистическая» относились столько же к научному, сколько к идеологическому содержанию: «верно» отражая действительность, наука была материалистической и прогрессивной, «неверные» же идеи были идеологически ущербными — показательна в этом смысле включенная Сталиным в текст доклада Лысенко фраза о том, что в ходе дискуссий, разгоревшихся в начале XX в. между неоламаркистами и вейсманистами, последние «ударялись в мистику и порывали с наукой»³⁷.

Тем самым бедствие лысенковщины заключалось не столько в подчинении ученых какой-либо идеологической или политической доктрине, сколько в распространении на науку политической культуры позднего сталинизма — понятие научного консенсуса заменялось представлением об обладающей принудительной силой истине, одобренной государством после инициированной им же дискуссии³⁸. В этом и заключалась губительность «мичуринской биологии» как предмета принудительного импорта для стран Восточной Европы: как убеждает статья Г. Палло и М. Мюллера³⁹, анализирующая восприятие идей Лысенко в Венгрии, а также работа К. Огина-Пави⁴⁰ об их судьбе в Румынии, «мичуринское учение» стало орудием сталинизации, служа мерилom лояльности ученых и граждан новой коммунистической власти. В то же время в самом Советском Союзе монопольное положение, обретенное Лысенко после августовской сессии, позволило ему формулировать и отстаивать заведомо неверные, смехотворные представления. В частности, возможность взаимного превращения родственных видов растений и животных, только намеченная в докладе на августовской сессии 1948 г., трансформировалась в «новое учение» о видообразовании. Откровенная его абсурдность⁴¹ не смущает современных апологетов Лысенко, голоса которых стали по-настоящему слышны в 1990-е гг. Как утверждает в своей статье

³⁶ *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания // Правда. 20 июня 1950 г.; *Сталин И. В.* К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Б. Крашенинниковой // Правда. 4 июля 1950 г.; *Сталин И. В.* Ответ товарищам // Правда. 2 августа 1950 г.

³⁷ *Rossiianov.* Editing Nature...; О положении... С. 14.

³⁸ *Kojevnikov.* Stalin's Great Science... P. 186–216.

³⁹ *Palló, G., Müller, M.* Opportunism and Enforcement: Hungarian Reception of Michurinist Biology in the Cold War Period // *The Lysenko Controversy...* Vol. 2. P. 3–36.

⁴⁰ *Oghina-Pavie, C.* The National Pattern of Lysenkoism in Romania // *Ibid.* P. 73–102.

⁴¹ См. предположение Лысенко о том, что, кормя волков вареным, а не сырым мясом, можно добиться появления в помете волчиц собачьих щенков (Стенограмма доклада Лысенко на открытом партийном собрании работников ВАСХНИЛ «Новое в учении о виде и видообразовании». 24 ноября 1950 г. // Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1521. Оп. 2. Д. 1; см. также: *Лысенко Т. Д.* Новое в науке о биологическом виде. М.: Сельхозгиз, 1952.

Э. И. Колчинский⁴², вера в заслуги Лысенко — оригинальность его идей и значимость практических достижений — во многом обусловлена симпатиями к сталинизму и Сталину, нежеланием признавать за последним сколько-нибудь серьезные ошибки, не говоря о некомпетентности и несоответствии присвоенной роли арбитра в научных спорах.

Завершая обзор вошедших в книгу статей, отметим главную заслугу авторов: история Лысенко и «мичуринской биологии» предстает перед читателем как часть истории науки, а не одной только политической и социальной истории — предметом исследования становятся не столько действия тех или иных политических фигур и институтов, сколько реакция ученых на идеи и «достижения» Лысенко. История восприятия «мичуринской биологии» заставляет задаться вопросом: может ли отвратительная оболочка — «аморальная наука», принудительно насаждаемая государством и по сути не знающая иных способов победы над инакомыслием, кроме его «зажима»⁴³, — заключать в себе верное, пусть абсолютно неновое, знание? Ведь об истинности или ложности следует судить в соответствии с представлениями, существовавшими в момент проведения августовской сессии ВАСХНИЛ — десятилетием ранее, чем появилась так называемая центральная догма молекулярной биологии, выбившая, как полагают, почву из-под ног ламаркистов.

В середине XX в. ламаркистские и неоламаркистские представления выглядели в глазах многих биологов как допустимые и вполне научные⁴⁴, пусть при этом теряющие своих сторонников, а сам вопрос о наследовании или ненаследовании приобретенных признаков не был до сессии 1948 г. «основной проблемой» биологии. В то же время важнейшим последствием сессии стала своего рода поляризация взглядов, в частности противопоставление «неодарвинизма» (синтетической теории эволюции) и неоламаркизма, не оставлявшее места для убеждений тех, кому обе теории представлялись неадекватными⁴⁵. Дихотомия наука — лженаука, утвердившаяся под влиянием лысенковской эпопеи, была прежде всего моральной, и черно-белое видение подавляло важные для научной мысли оттенки. Сходный эффект отмечался историками, писавшими о другой лженауке первой половины XX в. — расовой биологии, центральная идея которой

⁴² *Kolchinsky, E.* Current Attempts at Exonerating “Lysenkoism” and Their Causes // *The Lysenko Controversy...* Vol. 2. P. 207–236.

⁴³ «... я вовсе не против зажима в науке инакомыслия», — напишет Лысенко академику В. Н. Сукачеву, подчеркивая, что выступает лишь против того, чтобы «антинаучные воззрения» генетиков подавляли «научные», т. е. «мичуринские». См. подписанную копию письма Лысенко В. Н. Сукачеву (Переписка Т. Д. Лысенко с Президиумом и ОБН АН СССР по научным и организационным вопросам // АРАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 128. Л. 10).

⁴⁴ *Roll-Hansen, N.* Lamarckism and Lysenkoism Revisited // *Transformations of Lamarckism. From Subtle Fluids to Molecular Biology* / S. B. Gissis, E. Jablonka (eds.). Cambridge, MA: The MIT Press, 2011. P. 79.

⁴⁵ *Roll-Hansen, N.* Lamarckism and Lysenkoism Revisited... P. 80.

о биологической неравноценности человеческих рас разделялась многими учеными, признаваясь научной до того момента, когда зверства нацистов сделали ее неприемлемой. Согласно американскому историку Р. Проктору, подчинение науки нравственным оценкам имело и отрицательные последствия: так, осознание опасности расизма, в том числе академического, оказало «удушающее» (*stifling*) воздействие на изучение видового разнообразия ископаемых гоминид, блокируя представление о том, что древние, неравные по степени совершенства формы человека могли длительное время существовать одновременно, а не последовательно сменяя друг друга ⁴⁶.

При этом главная возникающая в связи с воззрениями Лысенко проблема заключается, на наш взгляд, в том, что ученые возлагали ответственность за уничтожение генетики в СССР не только на участвовавших в нем людей, но и на лысенковщину — торжествующее при поддержке государства лжеучение. Подобная позиция — отождествление невежественных измышлений с моральным злом — понятна в случае заведомо неверного знания, такого как теории О. Б. Лепешинской о превращении бесклеточного «живого вещества» в клетки, позднейшие воззрения самого Лысенко о видообразовании, либо утверждения современных шарлатанов, связывающих себя с самыми различными отраслями знания. Поскольку ламаркистские представления заведомо неверными не были, перенос этических оценок с людей на их идеи кажется простительным заблуждением. Ведь, согласно распространенному представлению, подобной оценке подлежат практические, материальные воплощения научных идей, либо применяемые в научном исследовании методы, но уж никак не теории, не содержание знания. Отвечая в 1918 г. Л. Н. Толстому, полагавшему, что, не давая ответа на вопрос «как нам жить?», наука бессмысленна, М. Вебер подчеркивал, что как раз подлинный смысл научной деятельности не имеет ничего общего с подобными вопросами: наука не может указать человеку, что он «должен делать» ⁴⁷. Но если научные исследования не несут и не могут нести моральное послание обществу, то неустранимой все-таки остается способность научных идей завладеть воображением непросвещенных, не читавших Вебера людей, таких как Сталин и другие диктаторы; либо же — служить оправданием распространенных предрассудков, как произошло, в частности, с представлениями так называемой популярной социобиологии (*pop sociobiology*) во второй половине XX в.

В конечном итоге представления ламаркизма, как и расовой биологии, перестали быть научными потому, что их приверженцы лишились

⁴⁶ Proctor, R. Three Roots of Human Recency: Molecular Anthropology, the Refigured Acheulean, and the UNESCO Response to Auschwitz // *Current Anthropology*. 2003. Vol. 44. No. 2. P. 223.

⁴⁷ Вебер М. Наука как призвание и профессия (1918) / Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 717–718.

главного, что может быть у ученого, — доверия к его добросовестности⁴⁸, к тому, что высказываемые идеи соответствуют внутреннему убеждению, а не продиктованы ангажированностью, мотивами корысти и страха. Практическое осуществление соответствующих теорий государством, будь то насильственное насаждение лысенковского ламаркизма в нашей стране или официальное одобрение и реализация представлений расовой антропологии и евгеники в Германии, ставит под сомнение искренность сторонников идей в их первоначальном, не упрощенном и не вульгаризированном виде. Публичное их выражение становится по сути неотличимым от оправдания аморальных общественных практик, а сами идеи предстают как производное этих практик. При этом признание научной теории или идеи неверной является в современном мире единственно возможной формой ее нравственной оценки. Пожалуй, неудивительно, что дискредитированную теорию объявляют лженаучной, предполагая ложность не только с позиций сегодняшнего дня, но и того времени, когда она была сформулирована, что, собственно, и позволяет считать ее плодом политизации знания. Подобный выход из затруднения блокирует саму возможность альтернативной интерпретации: «лженаучные» идеи могут быть разрушительны для науки и общества не потому, что неверны, но, напротив, неверными они становятся потому, что разрушительны, служа источником вдохновения для некомпетентных общественных деятелей и диктаторов.

⁴⁸ *Shapin, S. Trust, Honesty, and the Authority of Science // Society's Choices: Social and Ethical Decision Making in Biomedicine / R. E. Bulger, E. M. Bobby, H. V. Fineberg (eds.). Washington: The National Academies Press, 1995. P. 388–408.*